

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.26>

Мансур Мохаммед Хассан Саммани

ЭВФЕМИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВОРОВСТВА В РУССКОЙ И АРАБСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье исследуется эвфемистическая функция фразеологизмов, связанных с темой воровства в русском и арабском языках, с позиции лингвокультурологии, дается их развернутый лингвокультурологический комментарий в пространстве культуры: в историческом, мифологическом, религиозном и других аспектах. Через культурную интерпретацию слов-компонентов этих единиц были выявлены их образные основания, символический потенциал, стереотипность и оценочная маркированность в национальной культуре. Получены выводы о том, что культурная семантика фразеологизмов играет немаловажную роль в эвфемизации речевой коммуникации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/4/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 4. С. 126-130. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.161.1'373; 811.411.21

Дата поступления рукописи: 22.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.26>

В статье исследуется эвфемистическая функция фразеологизмов, связанных с темой воровства в русском и арабском языках, с позиции лингвокультурологии, дается их развернутый лингвокультурологический комментарий в пространстве культуры: в историческом, мифологическом, религиозном и других аспектах. Через культурную интерпретацию слов-компонентов этих единиц были выявлены их образные основания, символический потенциал, стереотипность и оценочная маркированность в национальной культуре. Получены выводы о том, что культурная семантика фразеологизмов играет немаловажную роль в эвфемизации речевой коммуникации.

Ключевые слова и фразы: фразеологизм; эвфемизм; национально-культурная специфика; лингвокультурологический комментарий; культурные стереотипы; явление воровства.

Мансур Мохаммед Хассан Саммани

Санкт-Петербургский государственный университет

hassen@bk.ru

ЭВФЕМИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВОРОВСТВА В РУССКОЙ И АРАБСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Эвфемистическая функция фразеологизмов обусловлена их культурной семантикой, в которой хранятся и транслируются в речи различные культурные смыслы [10, с. 368], способные нейтрализовать отрицательно-оценочное отношение носителей языка к тому или иному явлению. Воровство – один из социально осуждаемых феноменов, которые часто получают эвфемистическую репрезентацию в речевых культурах. Тема воровства хорошо представлена в разнообразных народных текстах (фразеологизмы, поговорки, анекдоты, афоризмы, крылатые выражения, речевые штампы и т.п.), которые, по сравнению с отдельными словами и словосочетаниями, обладают «разнообразием прагматических смыслов» и «отсутствием однозначной и бескомпромиссно негативной оценки» такого социального поведения [24, с. 37].

Данная статья имеет своей **целью** лингвокультурологическое описание фразеологизмов русского и арабского языков, выявление их эвфемистической функции. Предпринимается попытка соотнести образные основания рассматриваемых фразеологизмов с пластами культуры (фольклорный, исторический, литературный и др.), а образ, лежащий в основе фразеологизма, – с кодами культуры (соматический, зооморфный, пищевой и др.), с культурными символами, эталонами, стереотипами. Одной из **задач** является обоснование роли культурного компонента в смягчении высказывания. В центре внимания находятся фразеологизмы русского языка, а арабский материал рассматриваем на фоне русского и только при наличии соответствующих примеров.

Актуальность темы настоящего исследования определяется, с нашей точки зрения, интересом современной лингвистики к вопросам выявления национально-культурной специфики языковых единиц, а также к вопросам межязыковой коммуникации. **Новизна** исследования состоит в том, что предпринятая в ней попытка рассмотреть фразеологизмы-эвфемизмы (далее – ФЭ) русского языка в аспекте лингвокультурологии является одной из первых в лингвистической литературе. Впервые анализу подвергаются национально-культурные особенности ФЭ русского и арабского языков. Лингвокультурологический анализ позволяет раскрыть культурную обусловленность процесса эвфемизации через интерпретацию содержания ФЭ в пространстве культуры [21, с. 12-14].

Среди основных источников культурной интерпретации фразеологизмов особо выделяются древнейшие **архетипические оппозиции**. Почти в каждой национальной культуре образная номинация воровства и его субъектов имеет универсальные устойчивые ассоциации с ночным временем суток: *ночное дело; ночное ремесло* – ‘воровство, грабеж’; *ночной придорожник; молодцы-удальцы, ночные дельцы* – ‘воры и разбойники’ [4] и др. Универсальная оппозиция «день/ночь» воспринимается в контексте воровства на основе общекультурного стереотипа о ночи как времени краж. Например, у А. Пушкина ироническое обозначение ночи как времени, «когда всё доброе ложится, а всё недоброе встает» [19]. Существуют народные изречения, которые так или иначе ассоциируются с темой воровства: *темна ночь татю родная мать; темна ноченька – родная матушка; ночь matka: все гладко; темна ночь все покроет; месяц – казачье солнышко* и др. [4]. Воровство в арабской культуре тоже воспринимается как темное действие, ассоциируется с ночью как временем активности воров: *ابن الليل* в значении ‘вор’ (букв. *сын ночи*) [28]; *أجول من فطرب* – ‘об очень активном, ночном, воре’ (букв. *более ходячий, чем светлячок*, связано с ночным, слишком подвижным, насекомым) [25]. В качестве эвфемизмов употребляются фразеологизмы с компонентом *чужой*, которые вызывают в народном сознании архетипическую оппозицию «свое/чужое» и актуализируют в речи отношение говорящего к воровству как присвоению чужой собственности: *найти в чужой клети – украсть* [5]; *не уважать чужой собственности* – ‘взять без разрешения, красть’; *охотник до чужбинки* – ‘о ворах’; *наклонность к чужому* – ‘о воровстве’; *залезать в чужой карман* – ‘красть’ [20] и др. Например: «В таких мальчиках, имеющих серьезную **наклонность к чужому** с детства, прок бывает редко; держаться за них нечего...» [6]. Данный аспект номинации богато разработан в русском фольклоре многими пословицами, провозглашающими

принятые в обществе моральные ценности и принципы праведного поведения: *не дери глаз на чужой квас; чужим хлебом веку не прожить; искав чужого, свое потеряешь; лучше по миру собирать, чем чужое брать* [4] и др. В рамках универсальной оппозиции «свой/чужой» подобные эвфемистические обороты служат словесным оформлением смысла для профилактики воровства, т.е. в воспитательных целях.

Религия с ее нравственными установками служит благоприятным фоном для эвфемизации. В русской и арабской культурах эвфемизация воровства традиционно осуществляется через соотнесение его с системой религиозных ценностей, что способствует его восприятию в более сакральном смысле через пространство христианской и мусульманской веры. Из религиозно-культурного фона свою образность черпают следующие выражения: *нарушить восьмую заповедь; по карманам молебны слушать* – ирон. – ‘красть вещи из чужих карманов’; *не без греха* – ‘о вороватом человеке’ [5] и др. В последнем примере ярко наблюдается широкая семантика, характерная для эвфемизмов. Например: «Но, по правде сказать, милиционеры и сами **не без греха**. Вот на конечной заходит милиционер в вагон, начинает будить спящих, похлопывая по карманам. Бывает, пьяный проснется раньше, чем его успеют обобрать» [16]. Во фразеологизме *нарушить восьмую заповедь* смягчающий эффект реализуется с помощью культурной коннотации, где взаимодействует ассоциативный потенциал оборота («не кради») и система ценностей социума. В контекстах, связанных с воровством, как эвфемизмы используются народные пословицы со смысловой доминантой «кража – это грех»: *казенное на грех наводит; плохо не клади, на грех не наводи; грешный честен, грешный плут – в мире все грехом живут* [5]. В арабском языке негативный смысл воровства смягчает выражение *ياكل مال النبي* – ‘о сильно вороватом и нечестном человеке’ (букв. *имущество пророка готов пожирать*), в котором религиозный элемент повышает экспрессивность оборота, заставляет адресата задуматься, о каком опасном и ненадежном человеке идет речь. Иронический фразеологизм *ابن حلال مصفى* (букв. *кристально честный человек*) говорится о сильно вороватом человеке, который не упускает ни одного случая обокрасть [27]. Имеется и ряд таких эвфемистических паремиологических единиц, как: *الحرام لا يدوم* (букв. *неправедное богатство не вечно*); *دخل الحرام على الحلال فيعثره* (букв. *неправедное пришло – с собой праведное унесло*) [Там же] и др., которые используются в воспитательных целях и одновременно обеспечивают более комфортное обсуждение случаев воровства.

Социально-историческая обусловленность фразеологизма понимается как «зависимость порождения тех или иных смыслов от идеологием какой-либо эпохи» [22, с. 179]. Некоторые жизненные реалии превратились в культурные знаки и служат средствами вторичной номинации. В контексте воровства фразеологизм *концы хоронить <в воду>* употребляется в значении ‘ловко уничтожать или заметать следы кражи, разбоя’ и черпает свою номинативную силу из фольклорных текстов. Рассмотрим народные тексты: *Не тот вор, что крадет, а тот вор, что концы хоронит; умеешь красть <воровать>, умей и концы хоронить* [5]. С одной стороны, данные пословицы цинично оправдывают само воровство, порицая «непрофессионализм» вора, а с другой – отражают злорадство по отношению к его разоблачению. На основе фразеологизма *вор в законе* образуются эвфемистические сочетания с заменой слова *вор* более приемлемыми лексемами типа *авторитет в законе, гастролёр в законе, министр в законе* и т.д. (в зависимости от контекста). В качестве эвфемизма эти выражения не очень определенно описывают противоправный характер преступных действий, тем самым не получая яркого и четкого выражения осуждения, а направляют внимание адресата на некие традиции и авторитетность (и даже «законность») воровской деятельности. В современном арабском языке воровство и связанные с ним ситуации могут обсуждаться при помощи образно-ассоциативных выражений, благодаря которым можно проследить культурный и исторический фон жизни арабского народа. С нечестным ремеслом ассоциируется, например, фразеологизм *ذوئبان العرب* – ‘воры и бандиты’ (букв. *волки арабов*) [26, с. 84]; *ابن الغبراء* (букв. *сын пустыни*); *ابن الطريق* (букв. *сын дороги*) – ‘воры и разбойники’ [27] и др. Например: «О, правители Ирака! Остерегайтесь **волков арабов**... В чем же ценность т.н. “саммита”, когда честные люди были исключены из него?! Что же ожидается от такого саммита?!» [29] (здесь и далее перевод автора статьи. – М. Х.). Фразеологизм *волки арабов* вызывает в сознании культурные сведения об одной, традиционной для бедуинского общества доисламского Средневековья, реалии «Салуки» (изгои, инакомыслящие). Салуки – люди, наделенные интеллектом и революционным духом. Они славились героическими подвигами и нетерпимостью к социальной несправедливости: жили в пустыне, встречали караваны состоятельных вождей племен, крали у богатых и отдавали бедным, поэтому их называли волками арабов. С воровской деятельностью ассоциируются и метафорические образы с семейным кодом культуры типа *сын пустыни* и *сын дороги*, в которых тесная связь вора с *пустыней, дорогой, ночью* и т.п. уподобляется зависимости сына от отца или матери [27, с. 15]. Упомянутые фразеологизмы реализуют эвфемистический эффект благодаря присущей им образности и символической значимости, что, с одной стороны, облегчает обсуждение действия воровства, а с другой – вызывает в сознании культурные, ценностные смыслы.

В русском **фольклоре** полное освещение получила профессия *портной* как символически значимое ремесло, ассоциативно связанное с воровством: *ночной портной; он портной: игла дубовая, а нить вязовая* в значении ‘вор, разбойник’; *дубовой иглой шьет; с деревянной иглой ходит; портняжничать по большим дорогам* – ‘заниматься разбоем, грабежом’ [4]. Например: «Прогулка не удалась, луна, как и звезды, была надежно упрятана облаками. Да к тому же один “**ночной портной**”, как их называли в другом мире, решил побеспокоиться о том, чтобы мне не было тяжело носить при себе кошелек...» [11]. В народном сознании закреплено представление о том, что у портных есть привычка воровать материал, утаивать его остатки и на этом зарабатывать. Фольклорные слои данного значения восходят к русской народной сказке, где вор в целях прикрытия сути сказанного дает своему мастерству характерное определение: «Я – **ночной портной**».

туда-сюда стегну, шубу съ кафтаномъ за одну ночь сошью» [1, с. 99]. Из характеристик личности вора здесь выдвигается именно значение ловкого, забавного волшебника.

Немаловажным звеном лингвокультурологического исследования фразеологизмов является соотнесение их образов с **различными кодами культуры**. В русской и арабской культурах традиционным является представление о соматическом компоненте *рука* как главном инструменте вора, размер и длина которого ассоциативно связаны с нарушением собственного пространства и вторжением в чужое: быть *нечистым на руку*; *иметь длинные руки*; *наложить руку на что-л.* [5]; *прибрат к рукам*; *запускать руку куда-л.* [13] и др. – ‘красть’. Например: «Приходилось менять тайники, поскольку и мама, и сестра **имели длинные руки** и вечное слабо реализованное желание прибрататься» [14]. В арабском языке, соответственно, имеются образно-ассоциативные обороты с соматическим компонентом *рука*: *خفة اليد* (букв. *легкость рук*) – ‘об умелости красть’; *يعد يده* (букв. *протягивать руку*) – ‘красть’; *غير نظيف اليد* (букв. *нечист на руку*) – ‘вороватый’ [28]; *طويل اليد* (букв. *у него руки длинные*) [32]; *إيديه يتاكله* (букв. *руки чешутся*, т.е. провоцируют на кражу) – ‘склонный к воровству’ [31] и др. Например: «И [Галлаби] был в недоумении, кого нанимать, когда предложенные варианты не ахти: с одной стороны, водители с низкой производительностью и малонадежные в уходе за грузовиком, а с другой – тот водитель – тот **водитель с легкими руками**, только с высшей производительностью» [30]. Компонент *рука* в обеих лингвокультурах обладает особой символичностью как эталонное орудие кражи. К соматическому коду культуры принадлежат и ряд ФЭ с метафорическими сдвигами и ироническим оттенком значения: *приделать ноги чему-л.* (ирон. шутл.) – ‘украсть’ [2, с. 129]; *не дери глаз на чужой квас* – ‘для профилактики кражи’ [5] и др. Основанный на метафоре фразеологизм *приделал ноги чему-л.* обозначает человека, укравшего вещь, которая лежала без движения, уподобляя воровство волшебству. В других ФЭ средством означивания культурных смыслов служат **элементы зооморфного кода культуры**. Традиционными для русской народной (крестьянской) культуры являются ФЭ с зооморфным компонентом «сорока»: *как сорока* – ‘о человеке, наклонном к воровству’; *охоча сорока до находки* – ‘о разбойниках и ворах’; *как сорока*: *где посидит, там и накомтит*; *тащить как сорока в гнездо* – ‘о действии шустрого вора’; *дружные сороки и гуся съедят <утащат>* – ‘об обычае воров держаться вместе и последствие этого согласия’; *не живет сорока без белого бока* – ‘о неисправимо вороватом человеке’ и др. [Там же]. В народном сознании *сорока* совмещает в себе несколько характеристик, ассоциирующихся с воровской деятельностью: чрезвычайную подвижность (*вертеться как сорока на колу*), любопытство, собирательство всякого ненужного, пустую болтовню и сплетни (*трещит как сорока*), а также вороватость (лексема *сорочье* синонимична слову *вороватое*): «Сороки равнодушны к блестящим вещам, которые часто тащат в свое гнездо. Поэтому птица получила прозвище сорока-воровка» [7, с. 84]. Подобные ФЭ вуалируют негативность обозначаемого действия, отражая роль зооморфного кода национальной культуры в восприятии окружающего мира и оценке явлений жизни.

Эталонами национальной культуры можно считать и **прецедентные феномены**, которые являются «одним из инструментов трансляции “культурной памяти” народа от одного поколения к другому» [17, с. 12]. Эвфемистическую функцию могут выполнять прецедентные имена, которые ассоциируются с разного рода воровской деятельностью, вызывая в сознании определенные культурные сведения. Так, в контексте воровства можно встретить фольклорные, литературные и художественные персонажи с положительной или нейтральной культурной коннотацией типа *Соловей Разбойник* [5]; *лиса Алиса <и кот Базилио>* – ‘образы хитрых мошенников’ [15]; *дети лейтенанта Шмидта*; *джентльмены удачи* – (ирон.) ‘о мошенниках, аферистах, самозванцах’ [20] и др. Эвфемистические прецедентные имена «задают определенную ценностную парадигму и те модели поведения, которым рекомендуется/запрещается следовать» [3, с. 35]. Например: «Да, народ нужно охранять от таких **Лис-Алис и Базилио**, которые хотят их использовать, как Буратинушку, и это их задача» [18]; «– Мы просто с ним поиграть захотели. – В **соловьёв-разбойников** поиграть? – усмехнулся следователь. – Зачем разбойников? Мы по-честному выиграла у игрового автомата, – сконфузился подследственный» [12]. Эвфемистическими являются и некоторые поговорки с компонентом – именем собственным: *Яшка – медная пряжка*; *Проворна Варвара на чужие карманы* – о ловком воре-карманнике [4]; *Сонька Золотая Ручка* – ‘воровка-карманница’ [8] и др. Эвфемистический потенциал подобных антропонимов заключается в их «сверхличностном характере» [9, с. 216]. Их культурные семы реализуют дополнительные элементы значения: бескорыстную помощь бедным, храбрость, ловкость, веселость и т.п.

В русской и арабской лингвокультурах отношение к воровству отражают некоторые народные высказывания, пословицы и поговорки, мотивировка которых носит **оправдательный характер**, заключающийся в сочувствии к бедным ворами, недовольстве властью или даже в осуждении потерпевшего. Например: *пустой мешок введет в грешок*; *бедный и украдет, да его Бог прощает*; *нужда лиха*; *казенное на грех наводит*; *не пойман – не вор*; *плохо не клади, на грех не наводи*; *казенному лесу всякий родня*; *на лес и поп вор* и др. Такие «легитимирующие» эвфемизмы [23, с. 10] не столько смягчают или вуалируют социально порицаемое поведение воровства, сколько придают ему, вопреки реальному положению дел, некую законность. В современном арабском языке похожие пословицы иносказательно оправдывают воровство бедностью или несовершенством человека, невнимательностью жертвы кражи, а также констатируют псевдофакт о том, что украсть у богатого или вора – не грех, а у казны тем более. Например: *الخلعة تدعو إلى السلة* (букв. *нужда наводит на лиходейство*); *الحوجة مرة* (букв. *нужда горька*); *القط إن جاع سرق* (букв. *кот похищает, когда голодает*); *خذ اللص قبل أن يأخذك* (букв. *возьми вора перед тем, как он тебя*); *الغنى السائب يعلم السرقة* (букв. *оставленные овцы научат воровству*); *حرامي بلا بينة سلطان* (букв. *вор без доказательств – султан*) – сравните русское соответствие *не пойман – не вор*; *ده مال حكومة* (букв. *это же деньги государства*) – ‘общедоступные, их можно взять’ [31].

Такой «антиценностный» аспект народной паремологии является традиционным для любой национальной культуры. Об этом пишет В. Даль: «Простой народ упорнее хранит и сберегает исконный быт свой, и в кости его есть и дурная, и хорошая сторона» [4, с. 7]. Подобные ФЭ реализуют прагматический потенциал и используются для придания воровству видимости законности.

С воровством напрямую связан ряд преступлений против чужого имущества, которые реализуются посредством насилия (разбой), угрозы (грабеж) или обмана (мошенничество). Стереотипными в культуре являются шуточные выражения с компонентом «атаман»: *атаман с веслом* – ‘разбойник’ (исходный образ: гребущие к кораблю воры-разбойники); *лови атамана* (шутл.) – ‘ищи главного вора, разбойника’ [5]. Казачий атаман – это старшина войска, а переносное его значение как ‘глава разбойной группы’ отображается в народных пословицах: *На корме атамана с веслом, на носу есаул с ружьем; не гонись за простым воров, а лови атамана; шайка перессорила и атамана выдала* [Там же] и др. К данному образу совсем близок арабский ФЭ *شيخ منسر* – ‘большой вор’ (букв. *староста конного отряда*) [28]. Во фразеологизме лежат культурные сведения о живущих в пустыне преступных группах, совершавших разбойные нападения со спины лошадей. Об эвфемистическом потенциале ФЕ свидетельствует положительно-оценочное слово *староста* (араб. *шейх*), которое является почетным названием эмира, вождя племени, религиозного деятеля или просто старца, а также метонимическая мотивировка «коней» как орудия разбойников.

Таким образом, проведенный анализ ФЭ позволяет сделать следующие **выводы**: 1) эвфемистическая семантика ФЭ во многом зависит от культурного компонента их значения и раскрывается носителями языка на основе общих ассоциаций, представлений и фоновых знаний; 2) образы ФЭ, связанных с явлением воровства, основаны на архетипических оппозициях («ночь – день», «свое – чужое» и др.), соотносятся с различными культурными пластами (фольклорный, религиозный, литературный и др.) и кодами (зооморфный, соматический и др.), отражают различные типы культурно-этнической информации; 3) при сопоставлении русских и арабских ФЭ в лингвокультурологическом аспекте выявлены типологически сходные способы создания оправдательного фона при обозначении воровства: рус. *нужда лиха* и араб. *нужда горька*; рус. *не пойман – не вор* и араб. *вор без доказательств – султан* и др. Национально специфическими оказались образы, содержащие различные типы культурно-этнической информации типа *Лиса Алиса, лови атамана, волки арабов, сын пустыни* и др.; 4) ФЭ обоих языков в большинстве своем метафоричны и отражают картину мира и черты менталитета русского и арабского народов, что способствует вторичному восприятию воровства на основе отождествления его с разными явлениями окружающей действительности, имеющими положительную или нейтральную оценку в обыденном сознании носителей русского и арабского языков: рус. *молебны слушать, приделать ноги*, араб. *сын ночи, протягивать руку* и др.; 5) лингвокультурологический комментарий ФЭ позволяет раскрыть их символическую ценность, стереотипные представления и эталонность, значимые для русской и арабской лингвокультур, служит средством как осмысления, так и оценки такого негативного социального явления, как воровство.

Список источников

1. Афанасьев А. Н. Сказка о воре // Народные русские сказки: в 3-х т. М.: Наука, 1985. Т. III. С. 99-112.
2. Белянин В. П., Бутенко И. А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М.: ПАИМС, 1994. 192 с.
3. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: МГУ, 1999. 152 с.
4. Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. М.: ЭКСМО, 2007. 640 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Директ-Медиа, 2014. 7602 с.
6. Добролюбов Н. А. От дождя да в воду [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0840.shtml (дата обращения: 11.03.2019).
7. Зиновьева Е. И. Орнитоним *сорока* в русском языке и культуре: универсальное и национально-специфическое // Мир русского слова. 2012. № 4. С. 82-86.
8. Ионина Н. Сонька – Золотая Ручка [Электронный ресурс]. URL: <https://info.wikireading.ru/19294> (дата обращения: 10.03.2019).
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.
10. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. Изд-е 3-е. М.: ЛЕНАНД, 2016. 456 с.
11. Костин К. К. Планета Хаоса [Электронный ресурс]. URL: <https://unotices.com/book.php?id=104317&page=53> (дата обращения: 09.03.2019).
12. Крейс Э. Игрок [Электронный ресурс]. URL: https://kartaslov.ru/книги/Крейс_Э_Игрок/4 (дата обращения: 09.03.2019).
13. Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка. М.: Аделанг, 2014. 512 с.
14. Лисицкая Т. Идиотки. Часть 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1065147> (дата обращения: 11.03.2019).
15. Мокшенин В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.
16. Мухин С. Таких не берут в космонавты [Электронный ресурс]. URL: <https://gridassov.livejournal.com/49151.html> (дата обращения: 10.03.2019).
17. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: УрГПУ, 2007. 207 с.
18. Протест по-казански [Электронный ресурс]. URL: <https://kukmor.livejournal.com/1400455.html> (дата обращения: 10.03.2019).
19. Пушкин А. Она тогда ко мне придет... [Электронный ресурс]. URL: <http://stih.pro/ona-togda-ko-mne-pridyot/ot-pushkin> (дата обращения: 11.03.2019).
20. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта; Наука, 2008. 464 с.
21. Телия В. Н. Предисловие // Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 6-14.

22. Токарев Г. В. Лингвокультурологическая теория концепта // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2013. № 4 (8). С. 178-182.
23. Харитонов В. Ю. Эвфемистическая репрезентация концептов в англоязычной речевой культуре: автореф. дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2008. 22 с.
24. Шипицына Г. М. Прагматика концепта «Воровство» в русской языковой картине мира // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 24 (143). Вып. 16. С. 35-39.
25. جمهرة الأمثال. أبو هلال العسكري، (Аль-Аскари А. Сборник пословиц: в 2-х т. Бейрут, 1988. Т. 1. 486 с.).
26. قاموس المحيط الفيروز آبادي، (Альфайруз А. Словарь. Изд-е 8-е. Бейрут, 2005. 1498 с.).
27. قاموس العادات والتقاليد والتعبير المصرية. أمين، أحمد. (Амин А. Словарь египетских обычаев, традиций и выражений. Каир, 2010. 400 с.).
28. قاموس التعبيرات الاصطلاحية فى اللغة العربية. داوود، محمد. المعجم الموسوعى للتعبيرات الاصطلاحية فى اللغة العربية. (Дауд М. Энциклопедический фразеологический словарь арабского языка: в 3-х т. Каир, 2014. Т. 1. 528 с.).
29. يا حكام العراق.. إحدروا ذوبان العرب [Электронный ресурс]. URL: https://www.dampress.net/mobile/index.php?page=show_det&category_id=21&CatId=0&id=18812&lang=ar (дата обращения: 09.03.2019).
30. قصة السواق والجلابي (Рассказ о водителе и Галлаби) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sudaress.com/alintibaha/6645> (дата обращения: 10.03.2019).
31. موسوعة الأمثال الشعبية: دراسة علمية. طاهر، جمال، داليا. (Тахир Г., Тахир Д. Энциклопедия народных пословиц: научный аспект. Каир, 2015. 343 с.).
32. قاموس التعبيرات الاصطلاحية فى العربية المعاصرة. فايد، وفاء كامل. (Фадд У. Словарь фразеологизмов современного арабского языка. Каир, 2007. 623 с.).

EUPHEMISTIC REPRESENTATION OF THEFT IN THE RUSSIAN AND ARABIC PHRASEOLOGY: LINGUOCULTUROLOGICAL ANALYSIS

Mansour Mohammed Hassan Sammani

Saint Petersburg University

hassen@bk.ru

The article examines the euphemistic function of the phraseological units related to theft in the Russian and Arabic languages from the perspective of linguoculturology. The author gives their detailed linguoculturological commentary in cultural space: in historical, mythological, religious and other aspects. Through the cultural interpretation of the words-components of these units, their figurative bases, symbolic potential, stereotypical character and evaluative markedness in the national culture are revealed. Conclusions have been obtained that the cultural semantics of phraseological units plays an important role in verbal communication euphemization.

Key words and phrases: phraseological unit; euphemism; national-cultural specificity; linguoculturological commentary; cultural stereotypes; phenomenon of theft.

УДК 811.512

Дата поступления рукописи: 19.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.27>

Статья рассматривает деепричастные формы агглютинативных языков алтайской языковой общности на примере материала якутского, халха-монгольского и эвенкийского языков. На основании проведенного анализа автор стремится выявить некоторые общие типологические особенности деепричастий агглютинативных языков. В работе уточняется и собственно понятие «деепричастие», необходимость чего продиктована несоответствием классического определения фактическому материалу рассматриваемых языков. Формы деепричастий исследуются с функционально-семантической точки зрения, выявляется типология их значений.

Ключевые слова и фразы: агглютинативные языки; алтайские языки; тюркские языки; монгольские языки; тунгусо-манчжурские языки; деепричастия; глагольные имена; функционально-семантический подход.

Матушкина Наталья Александровна, к. филол. н.

Санкт-Петербургский государственный университет

n.matushkina@spbu.ru

К ТИПОЛОГИИ ЗНАЧЕНИЙ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ФОРМ В АГГЛЮТИНАТИВНЫХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯКУТСКОГО, МОНГОЛЬСКОГО И ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Введение

Глагольные именные формы, и в частности деепричастия, играют важнейшую роль в морфологической и синтаксической подсистемах языков агглютинативного типа, прототипическими представителями которых могут считаться алтайские языки: тюркские, монгольские и тунгусо-манчжурские. Наличие развитой системы глагольных имен признается одной из строевых особенностей агглютинативных языков: активное использование конструкций, вводимых глагольными именами, освобождает носителей этих языков от использования как сочинительных, так и подчинительных союзов [7, с. 111-112, 114].